

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 3 (15).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (15), 2021.

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83+83.3(2=411.2)+86.2

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-3-157-195>

© 2021. *О.А. Богданова*

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия*

Рецепция романа Ф.М. Достоевского «Подросток» в исследованиях русских авторов 1900–1940-х гг.: религиозно-философское осмысление, биографика, психоанализ

© 2021. *Olga A. Bogdanova*

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

The Reception of Dostoevsky's Novel *The Adolescent* in the Studies of Russian Authors in 1900s–1940s: Religious and Philosophical Understanding, Biography, Psychoanalysis

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел русской литературы конца XIX – начала XX в., Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Россия.

<http://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Аннотация: История восприятия романа Ф.М. Достоевского «Подросток» в первой половине XX в. делится на два больших, качественно отличных друг от друга периода: Серебряный век и 1920–1940-е гг. Особенность первого – открытие Достоевского как философа и религиозного мыслителя, второго – как оригинального художника. Поэтому в первом периоде преобладали «идейные»

и «духовные» интерпретации «Подростка», во втором – научные исследования его поэтики и особенно – рукописного корпуса. Основными сферами изучения «Подростка» в 1920–1940-е гг. стали биографика, психоанализ и поэтика, однако продолжалось и религиозно-философское осмысление этого романа. Материал обзора рассмотрен в хронологическом порядке. Четкого разграничения исследователей на советских и эмигрантских нет, хотя отмечено различие условий, в которых они работали.

У авторов, писавших о «Подростке» в 1900–1910-е гг., преобладают символистские и религиозно-философские интерпретации (Д.С. Мережковский, А.А. Блок, В.В. Розанов, А.С. Глинка-Волжский, Н.А. Бердяев), реже встречаются суждения с позиций натурализма, позитивизма и марксизма (А.И. Введенский, В.В. Вересаев, В.Ф. Переверзев). Если в СССР 1920–1940-х гг. упоминания о «Подростке» в религиозно-философском ключе единичны (Н.О. Лосский), то в эмиграции – довольно многочисленны (митр. Антоний Храповицкий, Н.А. Бердяев, А.З. Штейнберг, Е.Ю. Кузьмина-Караваева, Н.О. Лосский). В биографике Достоевского 1920–1940-х гг. превалирует миф о мрачном детстве писателя, якобы изображенном в сюжете Аркадия Долгорукого, героя «Подростка» (Л.П. Гроссман, И.Д. Ермаков, К.В. Мочульский), однако в те же годы возникает доверие к свидетельствам о счастливых детских годах автора этого романа (О. фон Шульц, Г.И. Чулков). Авторитетный в 1920-е гг. психоанализ рассматривал семейную коллизию «Подростка» в свете Эдипова комплекса и учения З. Фрейда о структуре человеческой личности (А.А. Кашина-Евреинова, Б.А. Грифцов, И.Д. Ермаков, П.С. Попов).

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, роман «Подросток», первая половина XX в., Серебряный век, советская наука, русская эмиграция, религиозно-философская интерпретация, биографика, психоанализ.

Для цитирования: Богданова О.А. Рецепция романа Ф.М. Достоевского «Подросток» в исследованиях русских авторов 1900–1940-х гг.: религиозно-философское осмысление, биографика, психоанализ // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 3 (15). С. 157-195. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-3-157-195>

Information about the author: Olga A. Bogdanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Department of Russian Literature of the late 19th – early 20th Centuries, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya st. 25a, 121069 Moscow, Russia.

<http://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Abstract: The history of the perception of Fyodor Dostoevsky's novel *The Adolescent* in the first half of the 20th century is divided into two large, qualitatively different periods: the Silver Age and the 1920s–1940s. The peculiarity of the first one is the discovery of Dostoevsky as a philosopher and religious thinker, while the second the awareness of him as an original artist. Therefore, in the first period, “ideological” and “spiritual” interpretations of *The Adolescent* prevailed, in the second – scientific studies of his poetics and especially of the manuscript corpus. The main areas of study of *The Adolescent* in the 1920s and 1940s were biography, psychoanalysis, and

poetics, together with a continuous religious and philosophical understanding of the novel. The reviewed material is considered in chronological order. There is no clear distinction between Soviet and emigrant researchers, although there is a difference in the conditions in which they worked. Among the authors who wrote about *The Adolescent* in the 1900s and 1910s, symbolist and religious-philosophical interpretations predominate (D.S. Merezhkovsky, A.A. Blok, V.V. Rozanov, A.S. Glinka-Volzhsy, N.A. Berdyaev), judgments from the positions of naturalism, positivism, and Marxism are less common (A.I. Vvedensky, V.V. Veresaev, V.F. Pereverzev). If in the USSR of the 1920s–1940s references to *The Adolescent* in a religious and philosophical way are rare (N.O. Lossky), then in emigration they are quite numerous (metropolitan Antony Khrapovitsky, N.A. Berdyaev, A.Z. Steinberg, E.Yu. Kuzmina-Karavaeva, N.O. Lossky). In Dostoevsky's biographies of the 1920s–1940s, the myth of the writer's gloomy childhood prevails, as if depicted in the plot of Arkady Dolgoruky, the hero of *The Adolescent* (L.P. Grossman, I.D. Ermakov, K.V. Mochulsky), but in the same years, there is confidence in the evidence of Dostoevsky's happy childhood (O. von Schultz, G.I. Chulkov). Psychoanalysis, authoritative in the 1920s, considered the family conflict of *The Adolescent* in the light of the Oedipus complex and the teachings of Z. Freud on the structure of the human personality (A.A. Kashina-Evreinova, B.A. Grifitsov, I.D. Ermakov, P.S. Popov).

Keywords: Dostoevsky, *The Adolescent*, the first half of the 20th century, the Silver Age, Soviet science, Russian emigration, religious and philosophical interpretation, biography, psychoanalysis.

For citation: Bogdanova, O.A. "The Reception of Dostoevsky's Novel *The Adolescent* in the Studies of Russian Authors in 1900s–1940s: Religious and Philosophical Understanding, Biography, Psychoanalysis". *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (15), 2021, pp. 157-195. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-3-157-195>

Роман Ф.М. Достоевского «Подросток» – четвертый из «великого пятикнижия» писателя – впервые был опубликован в петербургском журнале «Отечественные записки» в течение января – декабря 1875 г. (№№ 1, 2, 4, 5, 9, 11, 12). Подробный анализ прижизненной критики этого произведения представлен в комментарии А.В. Архиповой в 17-м томе Полного собрания сочинений Достоевского в 30 томах (Л.: Наука, 1972–1990) [см.: Достоевский, 1972–1990, т. 17, с. 345-360], где отмечено, что «Подросток» «привлек меньше внимания, чем другие романы Достоевского, в частности “Бесы”, он не вызвал большой дискуссии в тогдашней критике и не повлек за собой значительных критических выступлений» [Достоевский, 1972–1990, т. 17, с. 351].

Тем не менее в рецензиях, статьях и эпистолярной о романе высказались авторы и консервативно-патриотического (Н.Н. Страхов, В.Г. Авсеенко, Вс.С. Соловьев, К.Н. Леонтьев), и либерально-народнического (Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.К. Михайловский, А.М. Скабичевский, П.Н. Ткачев, Г.И. Успенский) направления. Однако «большинство критических откликов <...>, как враждебных, так и сочувственных, не удовлетворили Достоевского. Он <...> убедился в том, что современная критика не понимает его эстетических позиций», дружно упрекая романиста в исключительном внимании ко всему больному и уродливому, к «подполью» [См.: Достоевский, 1972–1990, т. 17, с. 349]. В самом деле, большинство критиков 1870–1880-х гг. «ставили своей задачей полемизировать» с Достоевским, «а не проникать в скрытый смысл его образов», что влекло за собой упрощения, прежде всего в духе материализма и позитивизма. Романы Достоевского, в том числе «Подросток», не воспринимались ими «как значительное художественное явление», так как сильно отличались «от привычного для русской литературы того времени типа романа, выработанного Тургеневым, Гончаровым, Л. Толстым». В результате «наиболее дорогие Достоевскому образы и мысли романа («Подросток». – О. Б.) не были отмечены критикой <...>» [См.: Достоевский, 1972–1990, т. 17, с. 358–359].

Рецепция романа «Подросток» в 1900–1910-е гг.

Ситуация стала меняться с приходом в русскую литературу нового направления – символизма – и ростом интереса к религиозно-философским вопросам. Все это в целом совпало с началом XX века. Тем не менее прежние, позитивистские тенденции в истолковании «Подростка» сохранялись и в 1900–1910-е гг. Но и в русской религиозно-философской критике, заново открывшей Достоевского как великого мыслителя, этот роман «оказался затененным, <...> за немногими исключениями» [Викторович, Щенников, 2008, с. 138]. В.А. Викторovich указывает на немногочисленные в Серебряном веке отзывы о «Подростке», принадлежащие А.А. Блоку, В.В. Розанову, Н.А. Бердяеву, Н.О. Лосскому. К ним можно добавить суждения А.И. Введенского, Д.С. Мережковского, А.С. Глинки-Волжского, В.В. Вересаева, В.Ф. Переверзева.

Приступим к их обзору и краткой характеристике, придерживаясь хронологического порядка. Однако отметим, что ни одна из рассматриваемых нами работ не посвящена роману «Подросток» це-

ликом, но лишь в большей или меньшей степени освещает его идеи, мотивы и образы наряду с обращениями к другим произведениям Достоевского.

В.А. Зелинский, составитель нескольких выпусков «Критического комментария к сочинениям Ф.М. Достоевского» в 1880–1900-е гг., в части третьей, в разделе о «Подростке» разместил, кроме отзывов 1870–1880-х гг., относящиеся к 1900-м гг. суждения А.И. Введенского и Д.С. Мережковского. Представитель культурно-исторической школы **А.И. Введенский** оценивает «Подростка» в контексте предыдущих романов Достоевского, прежде всего «Преступления и наказания» и «Бесов», и, продолжая линию социально-детерминистской, позитивистско-народнической критики конца XIX в., призывавшей к росту общественного самосознания, усматривает в «ненормальном развитии» юного героя этого романа плод «протivoестественных условий, в которых росли русские дети». По мнению критика, Аркадий Долгорукий – фигура типичная, так как «родился и вырос <...> в таких условиях, которые общи для <...> русской интеллигенции», т. е. в отсутствие «твердых нравственных принципов», без указания в семье на «добрые жизненные пути». Отсюда – его идея «сделаться вторым Ротшильдом, скапливая деньги по грошам, отказывая себе во всем, безусловно необходимом». Герой «вступает в жизнь с чувствами и инстинктами, столь же изуродованными ненормальной жизненной обстановкой, как уродлива и его “идея”». «Странные, мрачные характеры, выведенные в романе Достоевским, как всегда в его произведениях, составляют только фон, на котором изображается душевная жизнь нашего героя» [Зелинский, 1907, с. 490-493]¹.

Впервые в Серебряном веке по-настоящему новое, пронизательное слово о «Подростке» сказал **Д.С. Мережковский** в своем фундаментальном исследовании «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество. Религия» (1900-1902). Более того, мысли этого критика легли в основу ряда авторитетных тенденций в истолковании личности и творчества Достоевского, в том числе романа «Подросток». Во-первых, Мережковский – основоположник «мифа Достоевского» [См.: Приходько, 1999, с. 199; Богданова, 2016а, с. 171-173] в культуре Серебряного века, создатель устойчивой «биографической

¹ Оригинал цитаты см.: [Введенский, 1907]. Хотя суждения Введенского о «Подростке» впервые высказаны несколько ранее 1900 г., они включены в сборник, влиявший на восприятие этого романа уже в начале XX в.

легенды» [См.: Магомедова, 2013, с. 12] о мрачном, болезненном, изломанном детстве писателя. Именно Мережковский стал автором первой концептуальной биографии автора «Подростка», помещенной в части «Жизнь и творчество» указанной книги. Критик конструирует его образ на основе трех источников: автопризнаний самого Достоевского в «Дневнике писателя» [См.: Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 8-12, 129-134; т. 22, с. 27-29, 46-50, 132-135; т. 23, с. 32-36; т. 25, с. 26-31; т. 26, с. 65-67, 111-113], мемуаров О.Ф. Миллера и Н.Н. Страхова [См.: Достоевский, 1883]² и автобиографических черт героев его художественных произведений (Подпольного парадоксалиста, рассказчика Мертвого дома, Мышкина, Подростка). Мы видим, что писатель-символист больше не доверяет «счастливым воспоминаниям Достоевского» о своем детстве, но основывается на догадках, слухах и предположениях иного характера, а главное – на во многом автобиографическом, как он считает, художественном образе Аркадия Долгорукого в романе «Подросток»: «Едва ли не свою собственную жизнь, по сравнению с жизнью Л. Толстого, разумел Достоевский, когда называл героя романа “Подросток” членом случайного семейства – “в противоположность еще недавним родовым нашим типам, имевшим столь отличное детство и отрочество”. Едва ли также не о себе, не о своем собственном детстве и отрочестве говорит он и этим еще более горьким словом того же героя: “Сознание, что у меня, во мне, как бы я ни казался смешон и унижен, лежит то сокровище силы, которое заставит их всех когда-нибудь изменить обо мне мнение, это сознание уже с самых почти детских униженных лет моих составляло единственный источник жизни моей, мой свет и мое утешение – иначе я бы, может быть, убил себя еще ребенком”» [Мережковский, 1995, с. 45]. В последующем критическом дискурсе о «Подростке» эта «легенда» будет или развиваться, или опровергаться.

Кроме того, во второй части «Л. Толстого и Достоевского», посвященной религии обоих писателей, Мережковский дважды достаточно подробно останавливается на соответствующей характеристике главных героев «Подростка» – Аркадия Долгорукого и Версилова. Предварительно отметим, что именно в этом труде Мережковский высказал важную для ряда дальнейших исследователей классика XIX в. мысль: «Истинный Достоевский, тот бесстрашный

² В составе т. 1 – «Материалы для жизнеописания Ф.М. Достоевского» О.Ф. Миллера и «Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском» Н.Н. Страхова.

испытатель божеских и сатанинских глубин, каким мы его знаем, начался с “Преступления и наказания”. Все, что раньше создавал он, “Бедные люди”, “Униженные и оскорбленные”, принадлежит как бы совсем другому писателю» [Мережковский, 1995, с. 214]. Таким образом, в восприятии творчества Достоевского утверждены, с одной стороны, автобиографический план (отождествление автора и его героев), с другой – концепция последних пяти романов как единого текста и высшей фазы его писательства.

«Идея» Подростка рассматривается на фоне «теории» Раскольникова как более приближенная к «религиозному сознанию», и вот почему. Если «в жизни деятельной» Аркадий, как Раскольников и все «наполеоновские и петровские герои» Достоевского, воплощает собой «бунт личности против общества», то «в жизни созерцательной» он начинает «прямо с того, чем Раскольников кончает», – с «воли к власти», с «жажды могущества» посредством денег. Попутно Мережковский показывает пушкинскую генеалогию «достоевских» образов, которая также впоследствии будет развита другими исследователями: «Как в Раскольникове через Германа, так в Подростке через Скупого рыцаря идея личного начала связана с Пушкиным; и через Пушкина <...> – с глубочайшими корнями не только западноевропейского, но и русского народного духа». В доказательство приводится образ «*трезвого и твердого схимника*», в руки которого, вместо «множества жидовских, вредных и грязных рук», стекутся «эти миллионы». Критик обращает внимание на то, что «накопление власти, могущества для Подростка – не цель, а только средство, путь, подготовительная “пустыня”, подвиг, искуc, <...> величайшее аскетическое обуздание “плоти и похоти”»; «самоотрицание, самоутверждение личности, новое высшее самоотрицание для нового высшего самоутверждения – шаг за шагом, ступень за ступенью по какой-то бесконечной лестнице желаний, восходящих к “безбрежному”, последнему желанию». Это, по Мережковскому, «именно религиозное сознание», «начало какой-то религии», которая, однако, отнюдь не противоположна религии «Божьего старца и странника» Макара Ивановича: «все ближе и ближе сходятся они, все глубже и глубже понимают друг друга, точно уже и теперь верят в одно, идут к одному». Благословив перед смертью Подростка, «родного брата <...> хищных, демонических героев, которые хотят “для себя лишь воли”», Макар не ошибся, так как Аркадий ищет «не только прометеевского, наполеоновского, западноевропейского “уединения и могущества”,

но и русского, родного, самого древнего и самого нового, будущего «благообразия». И так, «Подросток находится на полпути от Раскольникова, от Ивана Карамазова к «чистому херувиму Алеши». <...> И первая чета «послушника» Подростка и старца Макара Ивановича есть прообраз второй четы Алеши и старца Зосимы». Очевидно, что к истолкованию образов «Подростка» Мережковский применяет постулаты своего «нового религиозного сознания» с присущим ему диалектическим единством противоположностей, тождеством кажущихся полярностей Христа и Антихриста: «учение Христово не только величайшее самоотрицание, но и величайшее самоутверждение личности, не только вечная Голгофа, распятие, но и вечный Вифлеем – рождение, Возрождение личности». Это «личное начало» и приводит Подростка «к религиозной святине, к «благообразию», к лику «трезвого и твердого схимника», к лику «чистого херувима» Алеши» [См.: Мережковский, 1995, с. 198-202].

При анализе образа Версилова Мережковский поднимает автобиографическую, как он утверждает, проблему раздвоенности в жизни и творчестве Достоевского, дополнительно отождествляя писателя по этому же признаку и с другим героем, Аркадием: «Раздвоение всю жизнь во мне было», – признается Достоевский в одном из предсмертных писем. И раньше, устами Подростка: «Жажда благообразия была в высшей мере, и уж, конечно, так; но каким образом она могла сочетаться с другими, уж Бог знает какими жаждями (здесь разумеется сладострастие, «душа паука», которую чувствует в себе Подросток) – это для меня тайна»» [Мережковский, 1995, с. 265]. Кроме того, как и прежде, персонажи рассматриваются в контексте всего «великого пятикнижия»: «Версилов – это Ставрогин, уже достигший зрелого, предстарческого возраста, совершенного жизненного опыта. <...> Тайна Версилова есть тайна Ставровгина и самого Достоевского – вечная тайна раздвоения. Но в Версилове она <...> более привлекательная, потому что более сознательно религиозная, чем в Ставровгине». Однако «тайна Версилова» есть в то же время «предчувствие последнего соединения» христианского «благообразия» и индивидуалистической «любви-ненависти». Первоисточник же «искажающего раздвоения – в уме, в сознании». Именно там затаился истинный «демон» Версилова – «равнодушный к добру и злу, не горячий и не холодный, а только теплый; не белый и не черный, а только серый, дух всего до конца не доходящего, раздвоенного <...>, всего мещански-серединного и благоразумного». В со-

ответствии с «новым религиозным сознанием» Мережковского, при равной «святости» обоих полюсов – Христа и Антихриста – и «демоничности» середины, «бесовское» – это то, что «плоско, пошло, буднично и даже как будто смешно». Это «вечный “демон иронии”», «западноевропейский и русский, всемирный демон <...> нашей середины, нашего мещанства, нашей “позитивной” <...> пошлости». За слуга «нового религиозного сознания», пишет Мережковский, в том, «что мы постепенно снимаем с этого реальнейшего из реальных лиц все условные романтические маски, что мы уже видим его <...>». И в доказательство критик приводит «одну из глубочайших сцен Достоевского», когда «Версиров, первый, так прямо заглянул в лицо этому нашему Чорту», – эпизод, в котором герой раскалывает угол печки завещанную ему Макаром икону. Таким образом, «имя и лицо нашего подлинного дьявола <...>: “двойник”», который «хочет лишь середины, и вечно делает Одно двумя». Далее Мережковский отождествляет «двойничество» Версирова и самого Достоевского в его отношении к православию русского народа, в котором сочетаются «святость» и «кощунство». Недаром скрыты от нас «последние религиозные судьбы» Версирова. Сам «Достоевский, – заключает критик, – должен был или окончательно погибнуть, вместе со всеми своими раздвоенными героями от Раскольникова до Версирова, или окончательно спастись, победив своего “двойника” так, чтобы в собственной его, Достоевского, душе вспыхнула, наконец, искра между двумя полюсами <...>. Кажется, <...> действительно искра вспыхнула, видение предстало ему в его последнем и величайшем создании, непосредственно следовавшим за “Подростком” и как бы им предсказанном (Макар Иванович – прообраз Зосимы, Версиров – Ивана Карамазова, сам Подросток – Алеши), <...> в “Братьях Карамазовых”» [См.: Мережковский, 1995, с. 283–288].

Несколько упоминаний о романе «Подросток» и его юном герое находим в письмах **А.А. Блока** лета 1902 г. Видимо, находясь в Шахматове, поэт прочитал произведение Достоевского и отчасти отождествил себя с Аркадием. В июле он писал З.Н. Гиппиус: «<...> уверяю Вас, что я ощущаю (как подросток Аркадий Долгорукий) желание “трех жизней” (это несмотря на видимую безжизненность и склонность к “панихидному” умозрению)». Эту же мысль Блок развивает в письме к А.В. Гиппиусу от 23 июля: «Я ощущаю скорее нужду “ощутить” “три жизни” (“Подросток”), чем провести одну в сплошном созерцании. От созерцательности душно. Ни одного

“чувствования” я не отдам за тьму созерцаний» [Блок, 1963, с. 34, 36]. Наконец, 5 августа поэт пишет отцу: «<...> можно сказать, что мой реализм граничит, да и будет, по-видимому, граничить с фантастическим (“Подросток” Достоевского). “Такова уж черта моя”. <...> “испытывать” для меня всегда труднее, тяжелее, томительнее, “соннее” <...>, чем “созерцать” (все это, разумеется, не в первобытно-романтическом, а скорее – в “реально-Достоевском” стиле, в котором созерцание углубленно, а не порхает)» [Блок, 1927, с. 76-77]. При сопоставлении вышеприведенных цитат в их авторе можно обнаружить некоторую раздвоенность, свойственную герою Достоевского.

Именно «двойственности» автора «Подростка» и его персонажей уделяет внимание **А.С. Глинка-Волжский** в статье «Религиозно-нравственная проблема у Достоевского», которая печаталась в №№ 6-8 журнала «Мир Божий» за 1905 г. Вслед за Мережковским здесь продолжается религиозно-философское осмысление этого романа. По мнению Волжского, Достоевский «глубоко проник в бездонные глубины неверия, изумительно тонко изучил психологию атеизма, но психология веры была ему несравненно менее понятна». По причине своей двойственности, постоянных религиозных сомнений, Достоевский не был «человеком веры» и «творцом жизни». В качестве подтверждения приводится отрывок из «Подростка» о «жажде веры» у Версилова, которая заменяет «непосредственную, безыскусственную веру»: «<...> в одной из задушевных бесед Подростка с отцом, Версилов сознается сыну, что он в заграничных блужданиях своих тосковал о Боге...

– Вы так сильно веровали в Бога? – недоверчиво спрашивает Подросток.

– Друг мой, это – вопрос, может быть, лишний. Положим, я не очень веровал, но все же я не мог не тосковать по идее. Я не мог представлять себе временами, как будет жить человек без Бога и возможно ли это когда-нибудь”.

В жажде веры у Версилова нам слышатся отзвуки того раздвоения, о котором Достоевский решил заговорить в 80-х годах в письме к N.N. Версилов “не очень верит”, но “очень хочет верить”, он тоскует о Боге и хотел бы “предаться ему вполне”. Это неверье ищущего веры или вера тревожно неверующего, вера маловерного» [Волжский, 1997, с. 222-223]. Как видим, и у Волжского прием отождествления Достоевского с его героем остается в силе.

В статье «Возле “русской идеи”», опубликованной в газете «Русское слово» 19 июля 1911 г., **В.В. Розанов** коснулся фигуры Крафта из романа «Подросток». Как обычно, критик встраивает мотивы и образы Достоевского в свои собственные рассуждения и умозаключения. Импульсом для обращения к названному мотиву стал для Розанова цикл статей В.Г. Тардова о будущих судьбах России, опубликованный в июне 1911 г. в газете «Утро России», который начинался «с пересказа одного эпизода в “Подростке” Достоевского: застрелился некто Крафт, обруселый немец, юноша, что-то вроде студента. И когда стали узнавать, *отчего* он застрелился, то стали говорить, будто причиной смерти послужили мысли, в которых находился последнее время этот Крафт: именно, что по его взгляду, очень долго зревшему, Россия – “второстепенное место” в истории, никакого всемирного призвания не заключающее и ни к какой всемирной роли не способная. Идеальный юноша так полюбил свою вторую мать, что не мог вынести этой печальной мысли и покончил с собою». «Меня, – продолжает Розанов, – в свое время это место из “Подростка” так же поразило <...>. Эпизод разителен тем, что лицо Крафта даже не выведено в повествовании, не показано <...>». Похоже, считает Розанов, «это – мысль самого Достоевского; не постоянная его мысль, ибо вообще-то он стоял за “великое призвание России”, но так... стоявшая у него “уголком” в душе мысль и которую он в душу читателя вставил тоже “уголком”». Эта мысль, «что из России ничего не выйдет», была «бесом» Достоевского: «Крафт убил себя из-за этой мысли; а Достоевскому, поверь он в нее окончательно, т. е. окончательно разуверься в “будущности России”, пришлось бы перелицевать всю свою литературную деятельность <...>» [см.: Розанов, 1994, с. 344-345]. Снова мы видим прием отождествления Достоевского с одним из его героев: «<...> около “идеи Крафта”, можно сказать, “танцует весь Достоевский” <...>», – и критик, припоминая мнения Бисмарка и императора Вильгельма о «женственности» русского характера, обрекающую его «на печальную роль подчиненности и даже рабства», и о «мужественности» «тевтонской расы», дающей ей право на господство, отвечает на них «удивительными» словами «грустного русского странника» Версилова в диалоге с Аркадием: «Из них (европейцев) настоящим европейцем был *один* я... Ибо я *один* из всех их сознавал тоску Европы, сознавал судьбу Европы». «В этой идее, – продолжает Розанова, – Достоевский и выразил “святое святых” своей души, указав на особую внутреннюю миссию

России в Европе, в христианстве, а затем и во всемирной истории: именно “докончить” дом ее, строительство ее, как женщина доканчивает холостую квартиру, когда входит в нее “невестою и женою” домохозяина» [см.: Розанов, 1994, с. 352]. Таким образом, критик выводит из мотива Крафта следующее: немцы, «облегаемые» женственной русской стихией, в конечном итоге «работают в русском духе, для русских целей» [Розанов, 1994, с. 359].

В том же 1911 г. вышла первая часть исследования **В.В. Вересаева** «Живая жизнь», посвященная сопоставлению Л.Н. Толстого и Достоевского и очевидно полемичная по отношению к Мережковскому как автору «Л. Толстого и Достоевского». Если для последнего Достоевский в первые годы XX в. был во многом предпочтительнее Толстого, то Вересаев оценивает автора «Подростка» исключительно в негативном ключе: в его творчестве «человек проклят», а природа – «вечная, беспросветная осень». Вересаев предлагает читателю тезисы, которые аргументирует цитатами из произведений Достоевского, в том числе «Подростка». В отличие от Мережковского, он рассматривает как единый текст все сочинения писателя 1840-1870-х гг., находя одинаково убедительными примеры из «Бедных людей» и «Братьев Карамазовых». Обращения к «Подростку» он иллюстрирует следующие свои мысли: Достоевский не умеет описывать радостную и прекрасную природу, это выходит у него пошло и банально (в доказательство приводится сон Версилова, начинающийся со слов: «Голубые, ласковые волны...»); человек Достоевского всегда одинок и живет «в углу» (приводятся слова Подростка: «Нет, мне нельзя жить с людьми <...>. Моя идея – угол...»); человек Достоевского всегда радуется несчастью ближнего (также приводятся соответствующие слова Аркадия); человека Достоевского тянет к разрушению (приводится эпизод с Версиловым, желающим «бросить на снег и растоптать ногой» прекрасный «букет свежих цветов»); для человека Достоевского невозможно счастье, потому что он постоянно осознает неизбежность смерти (приводятся соответствующие слова Версилова); ему свойственны непрерывный «страх смерти и чувство неспособности к жизни», влекущие к самоуничтожению (пример – слова Подростка о револьвере); для человека Достоевского характерно стремление «жить, чтоб только проходить мимо» (слова Ахмаковой); для этого человека лишь «в страдании есть идея» (сестра Подростка Лиза, как и все без исключения герои Достоевского, – «добровольная искательница мучений»); ни сам

Достоевский, ни его герои не знают, в чем состоит «живая жизнь» и где ее искать. Однако, по Вересаеву, она никак не связана со столь важной для создателя «Подростка» христианской идеей бессмертия души [см.: Вересаев, 1911, с. 4, 8, 10-12, 40-42, 46, 54, 61, 64-65, 213].

В одном из первых опытов марксистской критики писателя XIX в. – книге **В.Ф. Переверзева** «Творчество Достоевского» (1912) – в ряде черт продолжена линия социально детерминированной интерпретации, характерная для народников-позитивистов (Михайловского, Скабичевского и др.), хотя субъективно-социологический метод Михайловского и религиозно-философский подход Мережковского в равной степени объявлены «ложными» и «ошибочными» [см.: Переверзев, 1912, с. 338, 342, 346, 351-355]. Тем не менее, по определению автора предисловия к книге П.Н. Сакулина, «важный и плодотворный» метод Переверзева впервые является по-настоящему социологическим: так, «он квалифицирует изображаемую (Достоевским. – О. Б.) социальную среду термином *упадочное мещанство*», под которым понимается «городск[ая] группа трудящихся в одиночку: от ремесленника до людей интеллигентных профессий включительно». В «прямую связь» с психологией этого социального слоя «ставится мотив раздвоения, который так любил Достоевский. Справедливо отвергнув мысль о резком переломе в творчестве Достоевского (в понимании главным образом Мережковского), г. Переверзев все свое внимание сосредоточил на анализе психологии *двойника*, считая этот мотив основным, определяющим всю психологию и мировоззрение героев Достоевского» [Переверзев, 1912, с. VIII, XI, XIII]. В самом деле, для писателя, по мысли Переверзева, «все глубины души человеческой» исчерпываются «борьбой смирения с гордостью, кротости со своеволием; он следит за этой борьбой внутри человека, жизнь всего человечества представляет себе в форме этой борьбы <...>» [Переверзев, 1912, с. 308]. Это и есть «двойничество» у Достоевского, в понимании критика.

На материале «Подростка» Переверзев, в соответствии со своим социологическим методом, исследует типологию Достоевского, пользуясь наработками Н.А. Добролюбова («кроткие» и «ожесточенные» типы, а также тип «циника, бездушного человека» с «энергией эгоизма и чувственности» в статье «Забитые люди», 1861) и А.А. Григорьева («смирные» и «хищные» типы героев в ряде статей критика 1850-1860-х гг.). Так, он прослеживает не ослабевавшее с 1840-х гг. стремление писателя дать «законченный образ “слабого

сердца”, “русского Кандида”», которое наконец воплотилось в Мышкине («Идиот»), Макаре Долгоруком («Подросток»), Алеше и старце Зосиме («Братья Карамазовы»). Особое внимание Переверзев уделяет образам кротких странников, среди которых главное место принадлежит Макару Ивановичу, теоретизирующему «под диктовку своего “слабого сердца”» [см.: Переверзев, 1912, с. 263, 266-267].

Анализируя любовь «кротких» героев Достоевского, Переверзев в качестве иллюстрации приводит, помимо Мышкина, Софью Андреевну из романа «Подросток», чьи отношения к Версиллову носят, по мнению критика, «характер резко выраженной половой пришибленности и обезличенности». Эта героиня «забита и запугана до полной безответности» и не смеет «требовать взаимности», не вносит в отношения «живой женской страсти». «Версиллов помыкает ею, как знает, бросает ее, годами не живет с нею; снова возвращается и снова бросает, и она все терпит, не оскорбляясь, без ропота и протеста, и по первому слову идет к нему. Половая личность, женщина с ее способностью активно любить, не отдаваться в любви, а давать любовь за любовь, почти окончательно убита в Софье Андреевне» [см.: Переверзев, 1912, с. 296-297]. И далее следует закономерный вывод: «Любовь “кротких”, как и все их чувства и идеи, складывается в атмосфере социального дна, в условиях физического и духовного унижения, которое обрекает человека на добровольное принижение» [Переверзев, 1912, с. 298].

Религиозно-философское осмысление романа «Подросток» продолжено в статье **Н.А. Бердяева** «Откровение о человеке в творчестве Достоевского», впервые опубликованной в журнале «Русская мысль» (кн. 3-6) в 1918 г. Высказанные в ней мысли о «Подростке» вскоре были воспроизведены философом во 2-й главе книги «Миросозерцание Достоевского» (Берлин, 1923). Бердяев согласен с представлением Мережковского о распадении творчества Достоевского на два периода – до и после «Записок из подполья», между которыми – духовный переворот, открывший «настоящего» Достоевского – автора «пяти великих романов» [Бердяев, 1990, с. 227]. В дополнение к старой «публицистической» критике (Михайловского и др.), для которой Достоевский «был совершенно недоступен», и к более новой критике «духовного склада» (Вл.С. Соловьева, Розанова, Мережковского, Волжского и др.), видевшей в творчестве Достоевского борьбу Христа с Антихристом или божественных начал с демоническими, раскрытие

мистической природы русского народа и своеобразия русского православия, – т. е. прежде всего «идеологию», Бердяев впервые провозглашает писателя «великим антропологом, исследователем человеческой природы, ее глубин и ее тайн» по преимуществу [см.: Бердяев, 1990, с. 215-216]. Это уникальное качество Достоевского-художника критик раскрывает, помимо других романов, на примере «Подростка», которому посвящает довольно большой пассаж: «Возьмем любой из романов Достоевского. В каждом из них раскрывается страстное, идущее в неизъяснимую глубь человеческое царство, которым все исчерпывается. В человеке раскрывается бесконечность и бездонность, но ничего нет, кроме человека, ничто не интересно, кроме человеческого. Вот “Подросток”, одно из самых гениальных и недостаточно еще оцененных творений Достоевского. Все вращается вокруг образа Версилова, все насыщено страстным к нему отношением, человеческим притяжением и отталкиванием от него. Рассказ ведется от подростка, незаконного сына Версилова. Никто не занимается никаким делом, никто не имеет прочного органического места в бытовом строе жизни, все выбиты из колеи, из путей жизнеустройства, все в истерике и исступлении. И все-таки чувствуешь, что все делают какое-то огромное дело, бесконечно серьезное, решают очень важные задачи. <...> Человек для Достоевского выше всякого дела, он сам и есть дело. Поставлена жизненная загадка о Версилове, о человеке, о его судьбе, о божественном образе в нем. Разрешение этой загадки есть великое дело, величайшее из дел. Подросток хочет раскрыть тайну Версилова. <...> Вся сложная фабула, сложная интрига романа есть лишь способ раскрытия человека Версилова, открытия о сложной человеческой природе, об антиномических ее страстях. Тайна природы человеческой всего более раскрывается в отношениях мужчины и женщины. <...> Любовь Версилова к Катерине Николаевне вовлекает в стихию такой огненной страсти, какой нигде и никогда не бывало. <...> Достоевский вскрывает противоречие, полярность и антиномичность в самой природе огненной страсти. Самая сильная любовь неосуществима на земле, она безнадежна, безысходно трагична, она рождает смерть и истребление. Достоевский не любит брать человека в устойчивом строе этого мира. Он всегда показывает нам человека в безысходном трагизме, в противоречиях, идущих до самой глубины. Таков высший тип человека, явленный Достоевским» [Бердяев, 1990, с. 218].

В «Миросозерцании Достоевского» Бердяев к уже данной характеристике «Подростка» добавляет наблюдения о раздвоенности и поляризации человеческой природы на примере Версилова и о причинах его несвободы («Противоположные идеи притягивают его. Он хотел бы сохранить за собой свободу и потому утерял ее. Он – раздвоен. Раздвоенный человек не может быть свободен»), о «двоящейся» любви-жалости и любви-страсти этого героя, об узком и широком понимании слова «народ» в связи с признанием Версилова о своей принадлежности к «тысяче» представителей «выш[его] культурн[ого] тип[а], которого нет в целом мире, – тип[а] всемирного боления за всех», а также об «изумительном» отношении к Европе, выраженном Достоевским в речах Версилова: «Русский человек – всечеловек и самый свободный человек в мире» [см.: Бердяев, 1923, с. 80, 123, 171-175, 178].

«Самое замечательное изображение любви, – утверждает Бердяев в “Миросозерцании Достоевского”, – дано <...> в “Подростке”, в образе любви Версилова к Екатерине Николаевне. Любовь Версилова связана с раздвоением его личности. У него <...> любовь-страсть к Екатерине Николаевне и любовь-жалость к матери подростка, его законной жене. <...> Но он так же не способен к брачной любви, как не способен к ней Ставрогин. Он <...> смягченный Ставрогин, в более зрелом возрасте. <...> Затаенная, не находящая себе выхода, обреченная на гибель любовь Версилова раскаляет вокруг всю атмосферу, порождает вихри. <...> Лишь под конец прорывается безумная страсть Версилова. <...> Огненная лава, которая составляла внутреннюю подпочву атмосферы “Подростка”, наконец прорвалась. “Я вас истреблю”, говорит Версильов Екатерине Николаевне и обнаруживает этим демоническое начало своей любви. Любовь Версилова совершенно безнадежна и безысходна. Она никогда не узнает тайны и таинства соединения. В ней мужская природа остается оторванной от женской. Безнадежна эта любовь не потому, что она не имеет ответа, нет, Екатерина Николаевна любит Версилова. Безнадежность тут в замкнутости мужской природы, невозможности выйти к своему другому, в раздвоении» [Бердяев, 1923, с. 123-124].

Как видим, в критике «Подростка» первых двух десятилетий XX в. отчетливо обозначились несколько ведущих проблемно-тематических векторов: периодизация творчества Достоевского (сторонниками резкого идейно-художественного перелома после

«Записок из подполья» были Мережковский и Бердяев; поборниками единства всех произведений писателя 1840–1870-х гг. стали из рассмотренных здесь авторов Вересаев, Сакулин, Переверзев), преемственность трех последних романов – «Бесов», «Подростка» и «Братьев Карамазовых» (интуитивно уловлена Мережковским, еще не знавшим о неосуществленном замысле Достоевского 1869–1870 гг. «Житие великого грешника»), мотив «двойничества» в «Подростке» (с разных позиций осмыслялся Мережковским, Глинкой-Волжским, Переверзевым и Бердяевым), автобиографизм некоторых образов «Подростка» (об Аркадии в указанном ключе написал Мережковский, о Крафте – Розанов), пушкинская генеалогия ряда мотивов «Подростка» (отмечена Мережковским).

Рецепция «Подростка» в 1920–1940-е гг.: общая характеристика

Новый этап рецепции «Подростка» в русской культуре, наступивший приблизительно с начала 1920-х гг., связан не столько с политическими и социально-экономическими изменениями в стране в результате революций 1917 г. и последовавшей Гражданской войны, сколько с начавшимся еще в середине 1910-х гг. общим методологическим самоопределением науки о литературе как части «наук о культуре». Этот процесс, помимо освоения трудов А.А. Потебни и Ал-дра Н. Веселовского, впервые поставивших вопрос о литературоведении как особой области знания, стимулировался четко обозначенной в 1910 г. немецким философом-неокантианцем Г. Риккертом целью – «развитием понятия, определяющего общие интересы, задачи и методы неестественно-научных дисциплин, и в разграничении их от методов естествознания». «Наукам о культуре», по мнению Риккерта, «приходится защищать свою самостоятельность от натурализма, провозглашающего естественно-научный метод единственно правомерным» и выработать другой, «принципиально отличный от него способ образования понятий», основанный на «понятии культуры» как «совокупности фактически общепринятых ценностей» [см.: Риккерт, 1998, с. 45, 47, 73, 125]³. В своей классификации наук Риккерт настаивал на фундаментальном различии традиционно выделяемых «наук о духе» и вновь выдвигаемых им «наук о культуре»: если первые отличаются от «наук о природе»

---

³ Первое издание на русском языке вышло в декабре 1910 г. [Риккерт, 1911].

предметом, объектом рассмотрения, то вторые – методом. Этот метод определен Риккертом как «индивидуализирующий», т. е. ориентированный на познание неповторимых, единичных, уникальных, особенных явлений, имеющих ценностный характер.

На этом фоне происходило и становление науки о Достоевском как одной из «частных» наук историко-литературного цикла. Ядром новых поисков стали петроградские университетские семинарии профессоров С.А. Венгерова и А.К. Бороздина, с которыми соприкасались многие будущие литературоведы разных направлений, в том числе А.С. Долинин, А.Л. Бем, К.В. Мочульский, В.Л. Комарович, Б.М. Энгельгардт, М.М. Бахтин и др. Методологическое самоопределение науки о литературе сказалось в преимущественном обращении к поэтике, к художественным особенностям произведений как главному объекту рассмотрения, а также к их текстологии.

Именно поэтика, в том числе и романа «Подросток», становилась ключом к своеобразию Достоевского-мыслителя. Другими словами, если религиозно философствующие символисты основное внимание уделяли мировоззрению Достоевского, содержанию его произведений, то новое поколение исследователей – его художественно-эстетическим принципам, форме его произведений. Это объединяло всю литературоведческую молодежь рубежа 1910–1920-х гг.: Л.П. Гроссмана, Долинина, Бема, Энгельгардта, Комаровича, Мочульского, Бахтина и др. [Подробнее см.: Богданова, 2014; Богданова, 2016б; Богданова, 2018].

Что касается текстологии, то поворотным моментом в ее развитии стала широкая публикация в 1920-е гг. рукописей Достоевского после вскрытия 12 ноября 1921 г. в Центральном архиве РСФСР оставшегося после смерти А.Г. Достоевской ящика с бумагами писателя: помимо должностных лиц, «[п]ри вскрытии присутствовали <...> профессора: П.С. Коган, Н.К. Пиксанов и П.Н. Сакулин». В результате обнаружения 13-ти тетрадей в коленкоровых переплетах, записных книжек, записных тетрадей, 4-х конвертов с письмами и документами «<...> была назначена специальная комиссия для разработки и подготовки к изданию найденных материалов в составе профессоров: Гливенко, Когана, Переверзева, Пиксанова и Сакулина под председательством заведующего историко-культурной секцией Единого государственного архивного фонда (В.М. Фриче. – О. Б.)» [Народное просвещение, 1922, с. 12-13]. Все это стимулировало развитие телеогенетического метода и изучение творческой истории произведений Достоевского.

Помимо текстологии и поэтики, заметное место в науке о писателе 1920–1940-х гг. занимали биографические и психоаналитические исследования. Нередко их авторы обращались к материалу предпоследнего романа Достоевского.

Религиозно-философское осмысление «Подростка» в 1920-1940-е гг.

Тем не менее религиозно-философское осмысление «Подростка», на котором мы завершили обзор высказываний о романе в Серебряном веке, хоть и ушло из магистрального русла его исследований, не прерывалось в течение всех 1920-х гг. и даже позже, преимущественно в эмиграции. Статьи такого рода, опубликованные в Советской России, единичны. Итак, в указанном ключе написаны работы митрополита Антония Храповицкого, Н.О. Лосского, А.З. Штейнберга, Е.Ю. Кузьминой-Караваевой.

Митрополит Антоний Храповицкий в 1921 г. издал в Софии «Словарь к творениям Достоевского», материалы для которого готовились в течение ряда предыдущих лет. Немало страниц здесь посвящены героям «Подростка». Как «проповедник возрождения», Достоевский, по мысли Антония, считал, что «без веры невозможна <...> добродетель». Доказательством служит то, что «не только личное нравственное совершенство, но и вообще осмысленная жизнь и деятельность <...> не давались тем героям Достоевского, которые, хотя и были одарены природными талантами и образованием, но, не имея в душе своей <...> твердых религиозных верований, не могли приняться ни за какое постоянное и полезное дело, а все годы жизни своей оставались праздными, никчемными межеумками. Таков был Версилов в “Подростке” – хотя и интересовавшийся иногда религиозными вопросами, но так и не подчинивший своей воли определенному учению веры. И чем крупнее натура таких людей, тем труднее им живется, тем бестолковее и преступнее протекают их жизнь и деятельность. Вот эти типы: Иван Карамазов, Николай Ставрогин, Свидригайлов, Версилов, Кириллов и много других второстепенных персонажей» [Антоний, 1997, с. 104, 109].

Убежденный в том, что «голос Божий заложен в душе человека помимо того, хочет ли последний ему повиноваться или нет», Антоний видит, что «романы и повести Достоевского имеют <...> свою центральную драмой <...> борьбу совести со злою волею человека или же с ложными воззрениями, усвоенными из книг по

доверию либо нарочно отысканными для оправдания своей злой воли. Иногда эта борьба разрешается переломом воли под добрыми влияниями: тогда софизмы, на которые она опиралась, разлетаются в прах: так было с Подростком <...>» [Антоний, 1997, с. 132-133]. И продолжает: «Подобно сну, человека вразумляет болезнь, и особенно болезнь с бредом. Так, другим после своей продолжительной болезни встал Подросток; его действительный отец – Версиков тоже должен был измениться после постигшей его в конце повести болезни» [Антоний, 1997, с. 137]. Задача Достоевского, считает Антоний, – «убедить людей в оставляемой им Богом и собственной душою *возможности возрождения*, а воспользоваться ею зависит уже от свободной воли.

Кто же ею хорошо воспользовался из героев Достоевского <...>? Воспользовался и отстал от своего жестокого намерения обогатиться Подросток, когда в их дом подкинули ребенка <...>» [Антоний, 1997, с. 140].

«Рецидивизм злых наклонностей и побуждений» у вроде бы вставших на путь раскаяния героев Достоевского раскрывается на примере Версикова: «Человек широко образованный, любознательный, почти философ, он, поддавшись благородному порыву под влиянием переселившегося к нему юноши сына, <...> добровольно отказывается от выигранного по тяжбе большого имущества и остается бедняком; <...> обвеянный благодетельным влиянием <...> праведного старца, от которого он прежде переманил жену, и прощенный им, он <...> смягчился и является апостолом добродетели и патриотизма; но приезжает одна из многих его бывших приятельниц <...>, и он старается вновь сделать ее рабой своей страсти и в своем злобном раздвоении разбивает о печку образ, завещанный ему помянутым старцем, и уклоняется от брака с обольщенной им женой, матерью его сына» [Антоний, 1997, с. 145].

Толкуя тему «дьявольских искушений» у Достоевского, прежде всего в поэме «Великий инквизитор», Антоний отмечает ее предвращение в слова Версикова сыну: «Обрати камни в хлеб и ты овладеешь людьми, но пока ненадолго; этого средства недостаточно: нужно еще чудо». Преодоление же митрополит усматривает как «в типах старца Зосимы и Алеши Карамазова», так и «в том всеохватывающем влиянии, которое оказывают <...> праведники, например Макар Иванович в “Подростке” и князь Мышкин в “Идиоте”» [Антоний, 1997, с. 149].

Очень важен для Антония вопрос о Церкви в творчестве Достоевского, развернутый в последнем романе писателя. Однако именно в «Подростке» «первой ласточкой <...> церковной весны является <...> одна предсмертная фраза простеца, но религиозного философа-моралиста Макара Ивановича, <...> сказанная торжественно в качестве завещания своему мнимому сыну. <...> Слова эти в повести являются почти неожиданными: “поревнуй о святой Церкви, мой милый”. <...> О том, принял ли к сердцу Подросток совет старца, роман не говорит ни слова, но следующий <...> изображает другого подростка, посвятившего себя этой идее, – Алешу Карамазова» [Антоний, 1997, с. 157-158]. Итак, в восприятии митрополита, Достоевский – учитель веры, а его романы середины 1860–1870-х гг. – одно развивающееся целое.

Статья **Н.О. Лосского** «О природе сатанинской (по Достоевскому)» была напечатана в первом из знаменитых «долининских» сборников – «Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы» под редакцией А.С. Долинина (СПб.: Мысль, 1922). Романские образы Достоевского, пишет Лосский, дают богатый материал для исследования проблемы зла в мире. Это «целая галере[я] исковерканных душ», изуродованных «какою-нибудь тяжкою обидою, социальной <...> или индивидуальной <...>», среди которых выделяется Подросток: «Уязвленное сердце самолюбивого человека непрестанно, днем и ночью, терзается болью и готово каждую минуту по ничтожному поводу к нелепой вспышке озлобления. Подросток, незаконный сын Версилова, носящий фамилию Долгорукий, впадает в бешеную ярость, когда новый знакомый предполагает, что он князь Долгорукий. “Позвольте, однако, узнать вашу фамилию: вы все смотрели на меня, – ступил вдруг ко мне учитель с подлейшей улыбкой.

– Долгорукий.

– Князь Долгорукий?

– Нет, просто Долгорукий, сын бывшего крепостного Макара Долгорукого и незаконный сын моего бывшего барина, г-на Версилова <...>.

Громкий и самый бесцеремонный залп хохота раздался разом <...>. Я трепетал от ярости» [Лосский, 1990, с. 308-309].

Философское осмысление «Подростка» было продолжено в книге **А.З. Штейнберга** «Система свободы Достоевского» (1923), написанной на основе докладов в Вольфиле, прочитанных в Петербурге в 1921 г. По мысли автора, Достоевский – это «национальный

философ России», совершивший «подвиг познания добра и зла» [Штейнберг, 1923, с. 7]. Предметом анализа Штейнберга становится «связь Достоевского с Платоном», которая «гораздо глубже, чем это может показаться на первый взгляд»: прежде всего она проявляется в высоком, божественном статусе красоты у обоих. Тернистый, мистериальный путь Достоевского к красоте и совершенству «напоминает, при всем своеобразии, Платона и его Диотиму⁴. И как прекрасно выражено это Достоевским в “Подростке” в отношениях Андрея Петровича Версилова к Софье Долгорукой. Андрей Петрович есть сын Петра и Петровской Руси, оторвавшийся от земли и народа, бездомный скиталец, <...>, интеллект, высшая степень русского самосознания; София – смиренная и кроткая, любящая и ожидающая “с тонким и догадливым сердцем”, <...> воплощение взыскуемой “русской идеи” <...>.

От союза Версилова и Софьи рождается Подросток – сын “случайного семейства” – <...> весь – переходный момент, <...> “дисгармония” и неуравновешенность. “Творчество в прекрасном” Версилова, чтобы вспомнить Платоново учение, само еще далеко не прекрасно; оно порождает “оригинала” со своей собственной “обособленной” идеей <...>. Однако будущее русской литературы, считает Штейнберг, связано с «новыми лицами» вроде Подростка, пусть и «некрасивыми». Получается, что «романы Достоевского суть романы о невозможности романа, т. е. книги, в которых анализируется распад всех “красивых”, законченных исторических форм, идеи которых бессознательно покоились в них самих» [см.: Штейнберг, 1923, с. 51].

Примечательны обращения к «Подростку» в работе **Е.Ю. Кузьминой-Караваевой** «Достоевский и современность», изданной в Париже в 1929 г. Здесь, в общеевропейской ситуации «восстания масс», кризиса христианства, фактического забвения веры ради неоязыческого возвращения к природе и удобств материально-телесного социально-технического прогресса, осмыслиется так называемый «средний путь» оставшегося без Божьего попечения человека, когда-то исследованный Достоевским в своих конечных последствиях. Кузьмина-Караваева приводит слова Версилова о «последнем дне» людей, которые остались без Бога, «одни, как желали». В них поселяются тревога и жалость друг к другу, и новая трепетная родствен-

⁴ Один из персонажей диалога Платона «Пир».

ность. По своему внутреннему смыслу эта картина, считает автор, «страшнее и трагичнее, чем описание преступлений», – ведь здесь «дана норма жизни, неотвратимая судьба природного человека», которого уже «ничто не спасет <...> на природных путях от черной беды, ничто не выведет на путь бессмертия». «Перед лицом хаоса и бессмыслицы», никуда не приводящего своеволия современному человеку остается «одна мучительная жалость к себе подобным, какая-то предсмертная нежность к каждой былинке». Таким образом, считает Кузьмина-Караваева, необходимо согласиться с Достоевским в том, что «вся человеческая судьба целиком определяется идеей бессмертия», получаемого от Бога. «Утрачивая ее, человек утрачивает всякий смысл своего существования» [см.: Кузьмина-Караваева, 1994, с. 135-137].

Но есть в «Подростке», продолжает Кузьмина-Караваева, и «идея правды Христовой», тесно связанная с общими судьбами России и Европы, ее исповедует тот же Версильов: «Русскому Европа так же драгоценна, как и Россия. <...> О, русским дороги эти старые чужие камни, эти чудеса старого Божьего мира, эти осколки святых чудес. И даже это нам дороже, чем им самим.

Одна Россия живет не для себя, а для мысли. И знаменательный факт, что вот уже почти столетие, как Россия живет решительно не для себя, а для одной лишь Европы». Это, без сомнения, свидетельство «всемирной отзывчивости» русских, «всечеловеческого и вселенского» «назначения русского человека», которое горячо приветствуется поэтессой-эмигранткой [см.: Кузьмина-Караваева, 1994, с. 152-153], будущая жертвенная судьба которой вскоре подтвердит высказанное здесь кредо⁵.

В 1939 г. в эмиграции была закончена книга **Н.О. Лосского** «Достоевский и его христианское мировоззрение», в 1944 г. она была напечатана в Братиславе в переводе на словацкий язык, а в 1953 г. наконец увидела свет на русском языке в Издательстве им. Чехова в Нью-Йорке (США). В этом фундаментальном религиозно-философском исследовании есть ряд страниц, посвященных «Подростку». Интересно, что философа в произведениях Достоевского, в отличие от Мережковского и Бердяева, преимущественно интересуют не

⁵ Кузьмина-Караваева Е.Ю., урожд. Пилиенко, во втором замужестве Скобцова (1891–1945) – русская поэтесса, адресат стихотворений А.А. Блока и Н.С. Гумилева, в эмиграции – православная монахиня мать Мария, в годы Второй мировой войны участница французского Сопротивления, погибшая в фашистском концлагере Равенсбрюк, спасая другую заключенную.

«хищные» типы, а напротив – «положительно прекрасные» и «душевно здоровые люди»: Мышкин, Макар Долгорукий, Зосима, Алеша Карамазов и Софья Долгорукая. Среди них – два героя «Подростка», которые подробно рассмотрены Лосским.

Отличительными чертами Макара Ивановича философ, вслед за писателем, называет «чрезвычайное чистосердечие и отсутствие малейшего самолюбия», «почти безгрешное сердце», «незлобивость», «смирение», «силу духа, свободного от <...> подчинения житейской суете», «высшую порядочность», «способность уважать себя именно в своем положении и истинное собственное достоинство», «веселие сердца и благообразие». Макар «воспринимает природу и всю земную жизнь как целое, полное добра и красоты», и «уверен в том, что не только дальнейшее расстояние, но и сама смерть не уничтожает связи людей друг с другом» [см.: Лосский, 1994, с. 189-191]. Таков, по мнению Лосского, идеальный образ христианина, созданный Достоевским.

Чрезвычайно интересна пространная характеристика Софьи Андреевны как «высоко положительного женского образа». Ей присущи «женственная кротость» и «незащищенность», самоотверженность, доходящая до «совершенного забвения себя», «воплощенное смирение» и «твердость, сила, настоящая сила», «твердая вера во всеобъемлющую любовь Божию и в Провидение». Сила матери Подростка – не «гордое самоутверждение, а бескорыстная неизменная привязанность к тому, что действительно ценно». Все это делает Софью Андреевну «близкой к святости», однако на ней есть постоянно сознаваемая ею самой «тяжкая вина» – измена законному мужу Макару Ивановичу и гражданский, не освященный Церковью брак с Версиловым. И все же, заключает Лосский, «не нам, людям, выносить приговор о таких существах», и Софья Андреевна, безусловно, принадлежит к числу «неканонизированных святых» [см.: Лосский, 1994, с. 198-201]. В этом пункте русский философ полемизирует с книгой «Der Mensch und der Glaube»⁶ католического богослова Р. Гуардини, который не считает возможным оправдать героиню.

В результате своего анализа Лосский опровергает распространенное в Серебряном веке (и даже намного раньше, еще в прижизненной критике 1840-х гг.) представление о том, что большинство героев Достоевского – «душевнобольные и что все его творчество –

⁶ «Человек и вера» (нем.)

болезненное, а потому вредное». Он апеллирует к мнению психиатра Н.Е. Осипова, обратившего внимание на то, «как много в произведениях Достоевского душевно здоровых людей, превосходно очерченных им», например в «Идиоте» – Ганя, нигилист Докторенко, генерал Епанчин, Лизавета Прокофьевна. «Если, – добавляет Лосский, – к средним душевно здоровым людям прибавить еще душевно здоровых “положительно прекрасных” (среди которых важное место занимают герои «Подростка» Макар Иванович и Софья Андреевна. – О. Б.), то надо будет признать ложною мысль, будто творчество Достоевского имеет болезненный характер» [Лосский, 1994, с. 202].

Роман «Подросток» в биографике Достоевского 1920–1940-х гг.

С обращением к «Подростку» нередко связана и биографика Достоевского 1920–1940-х гг.⁷ Биографические исследования о писателе, инициированные еще Н.Н. Страховым и О.Ф. Миллером в 1883 г. [см.: Достоевский, 1883], начиная с 1900-х гг. приобрели новое качество, обусловленное общими процессами в европейских литературах. Так, еще в эпоху символизма авторская индивидуальность стала главным конституирующим фактором художественного произведения и писательская биография стала определяться жизнетворческими и мифологизирующими стратегиями (вспомним книгу Мережковского «Л. Толстой и Достоевский»). Очевидно, что суть мифологизации образа Достоевского в культуре Серебряного века – в перенесении черт его литературных героев на самого писателя, что связано с обычным для этой эпохи неразличением авторского и персонажных голосов, а также с отождествлением биографического Достоевского с его литературными героями, в том числе с Подростком. Кроме того, новая концепция биографического письма была заявлена в получившей широкую известность книге английского писателя Л. Стрейчи «Знаменитые викторианцы» (1918): главным здесь стали повышенное внимание к внутреннему миру и непредвзятый показ персонажа «без глянца», избегая его критики или оценок. Важную роль сыграла и концепция Б.В. Томашевского, выраженная в его статье 1923 г.: «нужная историку литературы биография – не послушной список и не следственное дело, а та творимая автором

---

⁷ Подробнее о биографике Достоевского в целом см.: [Богданова, 2015a].

легенда о его жизни, которая единственно и является литературным фактом» [Томашевский, 1923, с. 8-9].

Неудивительно, что в ряде биографий рассказ о Достоевском-ребенке и его родительской семье продолжает иллюстрироваться строками из романа «Подросток». Симптоматично также, что к книге **Л.П. Гроссмана** «Путь Достоевского» (1924) в качестве эпиграфа предпосланы слова Версилова о единственно свободном на свете «высшем культурном типе» «русского европейца», содержащие, по мысли автора, квинтэссенцию личности самого писателя. Подчиняясь веяниям своего времени, Гроссман стремился дать «синтетический очерк духовного роста Достоевского на фоне его личных впечатлений, встреч, увлечений, дружб, чтений <...>» [Гроссман, 1924, с. 15]. Ранние годы писателя охвачены, по мнению биографа, «грустью»: «О себе вспоминает он в одном отрывке из рукописи “Подростка”: “Есть дети, с детства уже задумывающиеся над своей семьей, с детства *оскорбленные неблагоприятием отцов своих*, отцов и среды своей, а главное – уже в детстве начинающие понимать беспорядочность и случайность основ всей их жизни, отсутствие установившихся форм и родового предания”» [Гроссман, 1924, с. 19]. Вообще «[н]а личности Достоевского глубоко отпечатались черты его родителей. <...> Отец передал ему свою повышенную нервность, болезненную мнительность, суровое отношение к жизни и угрюмое недоверие к людям. От матери перешли к нему черты напряженной мечтательности и любовь к легендарному миру житий, псалмов и библейских преданий» [Гроссман, 1924, с. 28]. По мнению Гроссмана, «[н]есколько женских образов последнего периода его творчества отмечены отражениями его воспоминаний о матери», и «наиболее характерна в этом отношении София Андреевна в “Подростке”. Женщина из <...> категории незащищенных, <...> она являет одно из прекраснейших художественных достижений в среде простосердечных и беззащитных женщин Достоевского. Тихая надломленность вечной примирительницы случайного семейства взята Достоевским непосредственно из запаса его детских впечатлений» [Гроссман, 1924, с. 27-28].

Знакома читателя «Пути Достоевского» с замыслами «Атеизма» и «Жития великого грешника», из которых выросли последние романы писателя «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы», Гроссман снова подчеркивает их духовно-автобиографический характер: во-первых, признанием из письма Достоевского к Страхову

(«Главный вопрос, который проводится во всех частях, – тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, – существование Божие»); во-вторых, указанием на то, что «в первоначальных замыслах “Жития великого грешника” Достоевский на каждом шагу пользуется именами живых лиц, игравших ту или иную роль в его собственной жизни» [см.: Гроссман, 1924, с. 219].

Обозначившаяся в 1920-е гг. новая тенденция в биографике Достоевского была ярче всего выражена Г.О. Винокуром: «Нет биографии внешней и внутренней», «биография одна, как едина жизнь, цельная и конкретная»; личность же величина «динамическая» и тот «основной стержень, вокруг которого располагаются все биографические материалы»; поэтому предметом изображения биографа становится «личная жизнь» как «произведение искусства», не сводимое ни к «системе нравственно-религиозных переживаний», ни к «сфере быта», ни к «душевной жизни <...> в психологическом смысле» [см.: Винокур, 1927, с. 9-10, 32]. Не случайно воспринявший этот подход **О. фон Шульц**, русскоязычный эмигрант, в 1930-е гг. прочитавший в Хельсинкском университете цикл лекций о русском писателе, впоследствии озаглавленных «Светлый, жизнерадостный Достоевский», вступил в полемику с Гроссманом (и всей стоявшей за ним традицией) по вопросу об автобиографичности героя «Подростка» Аркадия Долгорукого: «Применять слова произведений писателя к самому писателю мы, конечно, имеем право. <...> Но в подобных применениях необходимо быть очень осторожным и пользоваться выдержками из произведений только тогда, когда они подтверждаются рядом иных фактических данных» [Шульц, 1999, с. 54]. Основываясь на вновь открытых документах (эпистолярии, мемуаристике), Шульц доказывает, что отец писателя Михаил Андреевич отнюдь не был тем «чудовищем», способным навсегда омрачить жизнь ребенка, каким его «голословно» рисует Гроссман. Так что автор «Пути Достоевского» глубоко неправ, когда «отнима[е]т у Достоевского <...> счастливое безмятежное детство» [см.: Шульц, 1999, с. 53-67].

В другой лекции Шульц, апеллируя к свидетельствам доктора Яновского об общении с Достоевским в 1840-е гг., отмечает автобиографичность «Жития великого грешника» и «Подростка» в тех местах, где писатель «влагает в уста своих героев мечты о богатстве как средстве грандиозной помощи бедным» [Шульц, 1999, с. 282].

В 1935-1936 гг. **Г.И. Чулковым** была написана первая полноценная художественная биография Достоевского, стоящая на прочном

научном фундаменте⁸. Условием ее возникновения стали многолетние усилия исследователей в 1910-1930-е гг.: появление первого текстологически выверенного и научно откомментированного собрания сочинений писателя [Достоевский, 1926–1930], издание основного корпуса его писем [Достоевский, 1928, 1930, 1934], публикация объемных мемуарных свидетельств [Чешихин-Ветринский, 1923; Достоевская, 1922; Достоевская, 1925; Сулова, 1928; Достоевский, 1930], выпуск первой «летописи жизни и творчества» Достоевского [Гроссман, 1935]. Во многом реализуя биографические установки Винокура, Чулков, в целом не отвергавший психологического отождествления Достоевского с его героями в соответствующие моменты жизни, тем не менее, как и Шульц, избежал изображения московского детства писателя в мрачных тонах и параллелей с «Подростком». Таким образом, была поколеблена та «биографическая легенда» Достоевского, которая упрочилась в Серебряном веке благодаря знаменитому трактату Мережковского.

Предпоследнему роману писателя посвящены в исследовании Чулкова несколько страниц событийного характера: повествование об обстоятельствах первой публикации «Подростка» в журнале «Отечественные записки», о взаимоотношениях с М.Н. Катковым и Н.А. Некрасовым в борьбе Достоевского за свои писательские гонорары, о мнении «со складкой» казалось бы близких автору «Подростка» Н.Н. Страхова и А.Н. Майкова и о «восторге» от прочтения романа идейного оппонента Некрасова. Упомянуты и скрытая идейно-эстетическая полемика с Л.Н. Толстым, и преемственность «Подростка» от «Жития великого грешника». Также подчеркнута разочарование Достоевского в критических откликах современников на свой новый роман, который, по мнению писателя, «погребут со всеми почестями под всеобщим презрением» [см.: Чулков, 2015, с. 270-272, 275-279].

Еще один автор первой половины XX в., высказавшийся о «Подростке» в биографическом ключе, – это **К.В. Мочульский**. Издав свою книгу «Достоевский. Жизнь и творчество» в Париже в 1947 г., в жизнеописательной ее части он фактически повторил миф Мережковского-Гроссмана о мрачном московском детстве великого писателя, атмосфера которого отражена в «Подростке». «Воспоминания» Анны Григорьевны, которые были опубликованы

⁸ При жизни она осталась неопубликованной. См.: [Чулков, 2015].

в переводе на немецкий язык в одном из томов серии «Наследие Достоевского», вышедшей в Мюнхене в 1925–1931 гг.⁹, по мнению исследователя, «носят характер агиографический; едва ли детство Достоевского было таким безмятежным». Родителей писателя и атмосферу их дома Мочульский характеризует аналогично Гроссману в «Пути Достоевского» и в доказательство приводит те же самые цитаты из «Подростка». Так как «[в]се романы Достоевского в глубоком смысле автобиографичны», то слова о детях, «с детства оскорбленных неблагообразием отцов своих», относятся, считает Мочульский, к родительской семье писателя: «Семья штаб-лекаря Достоевского, захудалого дворянина и мелкого помещика, вполне подходит под формулу “случайного семейства”» [см.: Мочульский, 1995, с. 220–222].

Психоанализ о романе «Подросток» в 1920-е гг.

В 1920-е гг. в большинстве европейских стран, не исключая Советскую Россию, психоанализ из сугубо медицинского метода превратился в мощную культуuroобразующую тенденцию, захватившую и литературные исследования. В 1923 г. ученица З. Фрейда И. Нейфельд выпустила психоаналитический очерк о Достоевском, вскоре переведенный на русский язык, где утверждала: «Жизнь и творчество Достоевского, его дела и чувства, его судьба – все возникает из комплекса Эдипа» [Нейфельд, 1925, с. 96]. Сам основатель психоанализа в 1928 г. опубликовал на немецком языке в одном из томов «Наследия Достоевского» статью «Достоевский и отцеубийство» [см.: Freud, 1928], которая сразу же попала в фокус внимания русских ученых как в СССР, так и в эмиграции. В советском достоевковедении психоаналитическая школа была представлена прежде всего трудами А.А. Кашиной-Евреиновой, И.Д. Ермакова, П.С. Попова, отчасти Б.А. Грифцова. Ряд авторов пражских сборников «О Достоевском» 1929 и 1933 гг.: А.Л. Бем, Н.Е. Осипов, Д.И. Чижевский, – отдавая дань фрейдистскому подходу, писали статьи с анализом бессознательных переживаний, сновидений, галлюцинаций, вытеснений, эротических сублимаций и т. п. в произведениях великого романиста. Некоторые из них обращались к материалу «Подростка».

⁹ Имеется в виду проект издательства Р. Пипера (Piper-Verlag) по выпуску серии «Наследие Достоевского» (“Der Dostoevski-Nachlaß”), в которую вошли 8 томов с сопроводительными статьями и комментариями А.С. Долинина, В.Л. Комаровича, Л.П. Гроссмана, Н.Л. Бродского, П.Н. Сакулина, И.И. Гливленко. Подробнее см.: [Богданова, 2015б].

В книге **А.А. Кашиной-Евреиновой** «Подполье гения (Сексуальные источники творчества Достоевского)» (1923) несколько страниц уделено анализу мотив и образов предпоследнего романа Достоевского с позиций теории сублимации Фрейда и учения о половой психопатологии Р. Крафта-Эбинга. В первую очередь по ряду признаков Кашина-Евреинова устанавливает «сильную сексуальность» у самого Достоевского, которая, не находя достаточного удовлетворения в реальной жизни, требовала выхода в творчестве. В «Подростке», например, об этом свидетельствует эпизод с Аркадием, «забавляющимся странной игрой в сквернословие, преследуя вечером приличную, беззащитную девочку» [Кашина-Евреинова, 1923, с. 35]. Открытия же Крафта-Эбинга, считает автор, позволяют увидеть, что «<...> все романтические интриги в произведениях Достоевского построены <...> на покорении друг друга, на высказывании своей власти. Подросток, смакующий свою власть над Ахмаковой через имеющийся у него компрометирующий ее документ, восклицает: “да разве паук не любит попавшую к нему в паутину мушку?” <...> Любовь у Достоевского всегда паутина, где один из героев паук, другой затравленная муха» [Кашина-Евреинова, 1923, с. 77]. Крафт-Эбинг, по Кашиной-Евреиновой, также косвенно указывает на «очень любопытный случай садизма» у Достоевского – «осквернение женщин <...> отвратительными ругательствами», приводящее к «полово[му] раздражени[ю]»: в качестве примера снова приводятся «забавы» Подростка и его товарища на бульваре, с принуждением «порядочной» женщины слушать их «самый неблагопристойный разговор», со всевозможными «скверностями и свинством»; а также случай с Ламбертом, отхлеставшим в гостиничном номере голую проститутку хлыстом по плечам. В итоге психоаналитик делает соответствующий вывод: «усиленное любование жестокостью» в произведениях Достоевского говорит о «получении им удовольствия от мысли о <...> фактах», возбуждающих половое чувство [см.: Кашина-Евреинова, 1923, с. 83-85].

Во второй части написанной в 1923-1924 гг. и неопубликованной при жизни книги **Б.А. Грифцова** «Психология писателя» есть глава «Метод Фрейда и Достоевский», где автор сочувственно передает суждения И. Нейфельд в связи с «Подростком»: «”Детскую сексуальность, признать которую все еще противятся врачи и ученые, вполне признает Достоевский и как раз с перверзными ее компонентами”. “Подросток” и “Неточка Незванова” кажутся Нейфельд

лучшими в мировой литературе описаниями детской психологии, преимущественно в сексуальной ее части. “Достоевский отлично знал и <...> показал, что ребенок трех-четырёх лет уже живет богатой эротической жизнью и что сексуальность самого раннего детского возраста влияет не только на характер, но и на всю жизненную судьбу целиком”» [Грифцов, 1988, с. 243].

И.Д. Ермаков в неопубликованной при жизни работе 1925 г. «Ф.М. Достоевский (он и его произведения)» многократно обращается к интересующему нас роману как к биографическому источнику, воспроизводя уже известный нам миф Мережковского-Гроссмана: «Не представляет никаких сомнений, что Достоевский мучился всю жизнь “неблагообразием своего семейства”. В “Подростке” <...> герой романа – “член случайного семейства”, он “смешон и унижен” с самых почти детских лет. Все это в той или иной степени относится и к писателю, которого отец воспитывал очень строго <...> как раба (смерд-раб – Смердяков или поведение Подростка по отношению к Сюшару)» [Ермаков, 1999, с. 359]. Для Ермакова не подлежит сомнению, что процитированные Гроссманом из рукописи «Подростка» слова о детях, «с детства оскорбленны[х] неблагоприятием отцов своих», Достоевский произносил, «вспоминая свое детство, своего скупого, неблагоприятного, жестокого отца» [Ермаков, 1999, с. 368]. Далее следуют пространные рассуждения об Эдиповом комплексе и его трансформациях в судьбе писателя. Эпизод из «Подростка» о причащении вместе с матерью в деревенской церкви с пролетевшим сквозь купол голубем Ермаков толкует как доказательство раннего сублимированного влечения к матери, которое в этом же романе распространяется на дрезденскую «Сикстинскую мадонну» и бессознательную сексуальную символику «райских ворот флорентийского Баптистерия» [см.: Ермаков, 1999, с. 376, 385]. «Такая идеализация безгрешной, бесполой, чистой матери-девы как естественного идеала детского воплощения матери <...> отвергает как недостойное и низкое все половое, которое представляется <...> грязным, грубым, нечистым. <...> В “Подростке” Достоевский определяет различие между любовью к матери <...> и любовью к другой женщине: <...> мама бесплотная, а у той есть плоть, хотя она и царица <...>. В плане любви к <...> матери-земле страх Достоевского <...> является символическим страхом перед инцестом» [Ермаков, 1999, с. 386].

Как и другие психоаналитики, Ермаков подробно останавливается на «мерзкой сцен[е] на Тверском бульваре», в которой

инфантильный Подросток «пристает к порядочным женщинам и девушкам». По его мнению, этот эпизод представляет собой «мщение так называемым чистым женщинам – идеалу матери – за то, что она в действительности оказалась совсем не такой, какой она рисовалась влюбленному в нее сыну, т. е. не безгрешной, она имела половые отношения с Версиловым – чем же она лучше тех, кто ходит по бульварам?» [Ермаков, 1999, с. 387]. Также в книге Ермакова вскрываются «бессознательные механизмы» амбивалентного влечения Версилова к Ахмаковой, объясняющие сосуществование в нем нежности и жестокости [см.: Ермаков, 1999, с. 388-389]. Получает психоаналитическое истолкование в свете «Подростка» и феномен «раздвоения» в личности самого Достоевского [Ермаков, 1999, с. 407]. «Еще интереснее с точки зрения психоанализа» в «Подростке» то «глубокое впечатление и влияние на будущее развитие», которое оказывает на сына отец, «и даже не сам отец, а только мечта об этом отце»: исходя из учения Фрейда и К.-Г. Юнга, многое в показе Достоевского, по мнению Ермакова, «очень правильно» [Ермаков, 1999, с. 434]. Кроме того, «чрезвычайно метко и правдиво подмечена Достоевским» «интимная связь» эксцентричных выходок Ламберта и Аркадия по отношению к «доступным» женщинам «с половым загрязнением матери (анально-садистическим)» [см.: Ермаков, 1999, с. 435-436].

В 1928 г. в советской печати появилась большая статья **П.С. Попова** «“Я” и “Оно” в творчестве Достоевского», в которой значительное внимание уделено истолкованию «Подростка» в свете фрейдистской концепции структуры человеческой личности. По мнению Попова, этот роман – особенно удачный материал для такого анализа благодаря совпадению в лице Аркадия «главно[го] действующе[го] лица и наблюдател[я]». Таким образом, все остальные герои произведения, в том числе Версиров, Ахмакова и Ламберт, «лишь ингредиент[ы] души подростка, его фантазия, его мечта» или «отброс» [см.: Попов, 1928, с. 260-262]. Благодаря указанному обстоятельству «двойничество» в «Подростке» – это перетекания из «оно» в «я»: так, например, «Подросток – это “оно”». Версиров – это “я”. Версиров весь в завершенности, в законченности. У него <...> все точки расставлены и узлы стянуты. Он знает, что он делает. В нем реально не изображено никакого “оно”. Его “оно” – это Подросток. Подросток мучится теми болями и сомнениями, которые уже выкристаллизовались в Версирове. Версиров – это словно ответ в рассудке и сознании на то, что еще полно сомнений

и вопросов в бессознательном. Это холодное констатирование того, что продолжает клочкотать и мучиться. <...> Судьба обоих одинакова. Все узлы событий идут словно параллельно, но в разных плоскостях и в разных категориях» [см.: Попов, 1928, с. 262-263]. Однако в сцене с раскалыванием иконы «двойничество» героев переворачивается – теперь Версилов оказывается во власти «своего двойника, своего инстинкта, своей бессознательной стихии», что «необыкновенно рельефно изображено Достоевским в знаменитом сне» Аркадия, с детальным предвидением «окончательной катастрофы», которой разрешились их запутанные взаимоотношения с Ахмаковой [см.: Попов, 1928, с. 264-265].

Как видим, в области религиозно-философского, биографического и психоаналитического осмысления «Подростка» в 1920–1940-е гг., с одной стороны, продолжают, часто в дополненном виде, тенденции предыдущих лет: автобиографизм в изображении мрачного московского детства Аркадия Долгорукого (у Гроссмана, Мочульского, Кашиной-Евреиновой, Грифцова, Ермакова, причем у последних трех авторов – осложнение этой «биографической легенды» сексуальными мотивами, Эдиповым комплексом) и «двойничество» как героев «Подростка», так и самого их создателя, которое также теперь обусловлено Эдиповым комплексом и фрейдистской структурой человеческой личности (у Ермакова и Попова); с другой – возникают новые аспекты, способствующие становлению образа «светлого, жизнерадостного Достоевского» в культурном сознании эпохи: писатель как учитель христианской веры (митрополит Антоний), создатель галереи «душевно здоровых “положительно прекрасных”» человеческих типов, близких к святости (Лосский), провозвестник божественного статуса красоты в мире (Штейнберг) и благотворной сотериологической миссии России в Европе (Кузьмина-Караваева). В соответствии с последней тенденцией Шульц и Чулков стремятся разрушить «биографическую легенду» Мережковского-Гроссмана о детстве писателя, сходном с юным героем «Подростка».

Список литературы

1. Антоний, 1997 – *Антоний (Храповицкий), митр.* Ф.М. Достоевский как проповедник возрождения (Главы из книги) // Ф.М. Достоевский и Православие / сост. и прим. А.Н. Стрижева. М.: Отчий дом, 1997. С. 104-176.
2. Бердяев, 1990 – *Бердяев Н.А.* Откровение о человеке в творчестве Достоевского // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов: сб. ст. М.: Книга, 1990. С. 215-233.
3. Бердяев, 1923 – *Бердяев Н.А.* Миросозерцание Достоевского. Прага: YMCA-PRESS, 1923. 238 с.
4. Блок, 1927 – *Блок А.А.* Письма к родным / под ред. и с примеч. М.А. Бекетовой. М.; Л.: Academia, 1927. Т. I. 370 с.
5. Блок, 1963 – *Блок А.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. Т. 8: Письма 1898–1921. 171 с.
6. Богданова, 2014 – *Богданова О.А.* Эстетические идеи Б. Христиансена и российская наука о Достоевском в 1910–1920-е гг. (М.М. Бахтин, Б.М. Энгельгардт, В.Л. Комарович, Ю.А. Никольский) // Новый филологический вестник. 2014. № 4 (31). С. 21-33.
7. Богданова, 2015а – *Богданова О.А. Г.И. Чулков* – биограф Ф.М. Достоевского // *Чулков Г.И. Жизнь Достоевского.* М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 6-33.
8. Богданова, 2015б – *Богданова О.А.* Достоевский в немецких издательских проектах первой половины XX века («Пипер-ферлаг») // Русская литература в зеркалах мировой культуры. Рецепция. Переводы. Интерпретация / под ред. А.Б. Куделина, В.В. Полонского, М.Ф. Надъярных. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 800-848.
9. Богданова, 2016а – *Богданова О.А.* Миф Достоевского в поэзии Б.А. Садовского и научной прозе В.Л. Комаровича // Русская литература. 2016. № 4. С. 171-181.
10. Богданова, 2016б – *Богданова О.А.* Вячеслав Иванов и становление науки о Достоевском на рубеже 1910–1920-х гг. (М.М. Бахтин, Б.М. Энгельгардт, В.Л. Комарович) // Литературоведческий журнал. 2016. № 39. С. 143-170.
11. Богданова, 2018 – *Богданова О.А.* Вячеслав Иванов: у истоков науки о Достоевском // Вячеслав Иванов: исследования и материалы / сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Вып. 3. 480 с.
12. Введенский, 1900 – *Введенский А.И.* Общественное самосознание в русской литературе: Критические очерки. СПб.: М.П. Мельников, 1900. 304 с.
13. Вересаев, 1911 – *Вересаев В.В.* Живая жизнь. Часть I. О Достоевском и Льве Толстом. М.: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1911. 216 с.
14. Викторovich, Щенников, 2008 – *Викторovich В.А., Щенников Г.К.* «Подросток» // Достоевский: Сочинения, письма, документы. Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 132-146.
15. Винокур, 1927 – *Винокур Г.О.* Биография и культура. М.: ГАХН, 1927. 86 с.
16. Волжский, 1997 – *Волжский (А.С. Глинка).* Религиозно-нравственная проблема у Достоевского // Властитель дум. Ф.М. Достоевский в русской критике конца XIX – начала XX в. СПб.: Худож. лит., 1997. С. 172-241.
17. Грифцов, 1988 – *Грифцов Б.А.* Психология писателя. М.: Худож. лит., 1988. 464 с.
18. Гроссман, 1924 – *Гроссман Л.П.* Путь Достоевского. Л.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1924. 240 с.

19. Гроссман, 1935 – *Гроссман Л.П.* Жизнь и труды Ф.М. Достоевского. Биография в датах и документах. М.; Л.: Academia, 1935. 382 с.
20. Достоевская, 1925 – *Достоевская А.Г.* Воспоминания / под ред. Л.П. Гроссмана. М.; Л.: Госиздат, 1925. 310 с.
21. Достоевская, 1922 – *Достоевская Л.* Достоевский в изображении его дочери / пер. с нем. Л.Я. Круковской; под ред. и с предисл. А.Г. Горнфельда. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1922. 96 с.
22. Достоевский, 1930 – *Достоевский А.М.* Воспоминания / ред. и вступит. ст. А.А. Достоевского. Л.: Изд-во писателей, 1930. 426 с.
23. Достоевский, 1883 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 14 т. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1883. Т. 1: Биография, письма и заметки из записной книжки. 839 с.
24. Достоевский, 1926–1930 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. художественных произведений: в 13 т. / под ред. Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926–1930.
25. Достоевский, 1928, 1930, 1934 – *Достоевский Ф.М.* Письма. I. 1832–1867 / под ред. и с примеч. А.С. Долинина. М.; Л.: ГИЗ, 1928. 590 с.; Письма. II. 1867–1871 / под ред. и с примеч. А.С. Долинина. М.; Л.: ГИЗ, 1930. 617 с.; Письма. III. 1872–1877 / под ред. и с примеч. А.С. Долинина. М.; Л.: Academia, 1934. 390 с.
26. Достоевский, 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
27. Ермаков, 1999 – *Ермаков И.Д.* Психоанализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 512 с.
28. Зелинский, 1907 – *Зелинский В.А.* Критический комментарий к сочинениям Ф.М. Достоевского: сб. критических статей. Часть 3. «Бесы» – «Подросток» – «Речь Ф.М. Достоевского об А.С. Пушкине». Изд. 4-е. М.: Тип. Вильде, 1907. 534 с.
29. Кашина-Евреинова, 1923 – *Кашина-Евреинова А.* Подполье гения (Сексуальные источники творчества Достоевского). Пг.: Третья стража, 1923. 94 с.
30. Кузьмина-Караваева, 1994 – *Кузьмина-Караваева Е.Ю.* Достоевский и современность // Русские эмигранты о Достоевском / вступит. ст., подгот. текста и примеч. С.В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1994. С. 126–154.
31. Лосский, 1990 – *Лосский Н.О.* О природе сатанинской (по Достоевскому) // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов: сб. статей. М.: Книга, 1990. С. 294–315.
32. Лосский, 1994 – *Лосский Н.О.* Достоевский и его христианское миропонимание // *Лосский Н.О.* Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. С. 6–248.
33. Магомедова, 2013 – *Магомедова Д.М.* Модели писательских биографий как литературные универсалии // Проблемы писательской биографии: К 150-летию А.П. Чехова. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 11–19.
34. Мережковский, 1995 – *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество. Религия // *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. С. 7–350.
35. Мочульский, 1995 – *Мочульский К.В.* Достоевский. Жизнь и творчество // *Мочульский К.В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 219–562.
36. Народное просвещение, 1922 – Народное просвещение. 1922. 20 января. № 95.
37. Нейфельд, 1925 – *Нейфельд И.* Достоевский. Психоаналитический этюд / под ред. проф. З. Фрейда. Пер. с нем. Я. Друскина. Л.; М.: Петроград, 1925. 96 с.

38. Переверзев, 1912 – *Переверзев В.Ф.* Творчество Достоевского: Критический очерк. М.: Современные проблемы, 1912. 370 с.
39. Попов, 1928 – *Попов П.С.* «Я» и «Оно» в творчестве Достоевского // Достоевский. Сб. статей. М.: ГАХН, 1928. С. 217-285.
40. Приходько, 1999 – *Приходько И.С.* «Вечные спутники» Мережковского (К проблеме мифологизации культуры) // Д.С. Мережковский: мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С. 198-206.
41. Риккерт, 1911 – *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре / пер., ред. и вступит. статья С.И. Гессена. СПб.: Образование, 1911. 196 с.
42. Риккерт, 1998 – *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 410 с.
43. Розанов, 1994 – *Розанов В.В.* Возле «русской идеи» // *Розанов В.В.* Собр. соч. Среди художников / под общей ред. А.Н. Николюкина. 1994. С. 344-359.
44. Сулова, 1928 – *Сулова А.П.* Годы близости с Достоевским. Дневник. – Повесть. – Письма / вступит. ст. и примеч. А.С. Долинина. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1928. 189 с.
45. Томашевский, 1923 – *Томашевский Б.В.* Литература и биография // Книга и революция. 1923. № 4 (28). С. 6-9.
46. Чешихин-Ветринский, 1923 – *Чешихин-Ветринский В.Е.* Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах: в 2 ч. Второе испр. и доп. изд. М.: В.В. Думнов, 1923.
47. Чулков, 2015 – *Чулков Г.И.* Жизнь Достоевского / сост., подгот. текста, коммент. и вступит. ст. О.А. Богдановой. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 472 с.
48. Штейнберг, 1923 – *Штейнберг А.З.* Система свободы Достоевского. Берлин: Скифы, 1923. 148 с.
49. Шульц, 1999 – *Шульц О. фон.* Светлый, жизнерадостный Достоевский. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 368 с.
50. Freud, 1928 – *Freud S.* Dostojewski und die Vätertötung // F.M. Dostojewski. Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. Dostojewskis Quellen, Entwürfe und Fragmente. Erläutert von W. Komarowitsch. München.: R. Piper, 1928. S. IX–XXII.

References

1. Antonii (Khrapovitskii), metropolitan. “F.M. Dostoevskii kak propovednik vrozhdzenia (Glavy iz knigi)” [“F. M. Dostoevsky as a Preacher of the Renaissance (Chapters From the Book)”]. *F.M. Dostoevskij i Pravoslavie [F.M. Dostoevsky and Orthodoxy]*, comp. and comm. by A.N. Strizhev, Moscow, Otchii dom Publ., 1997, pp. 104-176. (In Russ.)
2. Berdiaev, N.A. “Otkrovenie o cheloveke v tvorcestve Dostoevskogo” [“The Revelation about Man in Dostoevsky’s Works”]. *O Dostoevskom. Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoi mysli 1881-1931 godov: Sbornik Statei [About Dostoevsky. Dostoevsky’s Art in Russian Thought of 1881-1931: Collected Articles]*, Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 215-233. (In Russ.)
3. Berdiaev, N.A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo [Dostoevsky’s Worldview]*. Praga, YMCA-PRESS Publ., 1923. 238 p. (In Russ.)
4. Blok, A.A. *Pis’ma k rodnym [Letters to Relatives]*, vol. 1. Ed. and comm. by M.A. Beketova. Moscow; Leningrad, Academia Publ., 1927. 370 p. (In Russ.)
5. Blok, A.A. *Sobranie sochinenii: v 8 tomakh [Collected Works: in 8 vols]*, vol. 8. Moscow; Leningrad, Goslitizdat Publ., 1963. 171 p. (In Russ.)

6. Bogdanova, O.A. "Esteticheskie idei B. Khristiansena i rossiiskaia nauka o Dostoevskom v 1910-1920-e gg. (M.M. Bakhtin, B.M. Engel'gardt, V.L. Komarovich, Iu.A. Nikol'skii)" ["Aesthetic ideas of B. Christiansen and the Russian science of Dostoevsky in the 1910s-1920s (M.M. Bakhtin, B.M. Engelhardt, V.L. Komarovich, Iu.A. Nikolsky)"]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 4 (31), 2014, pp. 21-33. (In Russ.)
7. Bogdanova, O.A. "G.I. Chulkov – biograf F.M. Dostoevskogo" ["G.I. Chulkov – Biographer of F.M. Dostoevsky"]. *Zhizn' Dostoevskogo [The Life of Dostoevsky]*, by G.I. Chulkov, Moscow, IWL RAS Publ., 2015, pp. 6-33. (In Russ.)
8. Bogdanova, O.A. "Dostoevskii v nemetskih izdatel'skikh proektakh pervoi poloviny XX veka ('Piper-ferlag')" ["Dostoevsky in German Publishing Projects of the First Half of the 20th Century ('Piper-Verlag')"]. *Russkaia literatura v zerkalakh mirovoi kul'tury. Receptsiia. Perevody. Interpretatsiia [Russian Literature in the Mirrors of World Culture. Reception. Transfers. Interpretation]*, ed. by A.B. Kudelin, V.V. Polonsky, M.F. Nadiarnykh, Moscow, IWL RAS Publ., 2015, pp. 800-848. (In Russ.)
9. Bogdanova, O.A. "Mif Dostoevskogo v poezii B.A. Sadovskogo i nauchnoi proze V.L. Komarovicha" ["The Myth of Dostoevsky in the Poetry of B.A. Sadovsky and the Academic Prose of V.L. Komarovich"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2016, pp. 171-181. (In Russ.)
10. Bogdanova, O.A. "Viacheslav Ivanov i stanovlenie nauki o Dostoevskom na rubezhe 1910-1920-h gg. (M.M. Bahtin, B.M. Engel'gardt, V.L. Komarovich)" ["Vyacheslav Ivanov and the Formation of Dostoevsky's Studies at the Turn of 1910s-1920s (M.M. Bakhtin, B.M. Engelhardt, V.L. Komarovich)"]. *Literaturovedcheskij zhurnal*, no. 39, 2016, pp. 143-170. (In Russ.)
11. Bogdanova, O.A. "Viacheslav Ivanov: u istokov nauki o Dostoevskom" ["Vyacheslav Ivanov: at the Origins of the Studies on Dostoevsky"]. *Viacheslav Ivanov: issledovaniia i materialy [Vyacheslav Ivanov: Research and Materials]*, comp. by S.V. Fedotova, A.B. Shishkin, Moscow, IWL RAS Publ., issue 3, 2018. 480 p. (In Russ.)
12. Vvedenskii, A.I. *Obshchestvennoe samosoznanie v russkoi literature: Kriticheskie ocherki [Public Self-Consciousness in Russian Literature: Critical Essays]*. St. Petersburg, M.P. Mel'nikov Publ., 1900. 304 p. (In Russ.)
13. Veresae, V.V. *Zhivaia zhizn'. Chast' I. O Dostoevskom i L've Tolstom [A Living Life. Part I. About Dostoevsky and Leo Tolstoy]*. Moscow, Tip. t-va I.N. Kushnerev i Ko Publ., 1911. 216 p. (In Russ.)
14. Viktorovich, V.A., and Shchennikov, G.K. "Podrostok" ["The Adolescent"]. *Dostoevskii: Sochineniia, pis'ma, dokumenty. Slovar'-spravochnik [Dostoevsky: Essays, Letters, Documents. Reference Dictionary]*, comp. and ed. by G.K. Shchennikov, B.N. Tikhomirov, St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2008, pp. 132-146. (In Russ.)
15. Vinokur, G.O. *Biografiia i kul'tura [Biography and Culture]*. Moscow, GAKhN Publ., 1927. 86 p. (In Russ.)
16. Volzhskii (A.S. Glinka). "Religiozno-nravstvennaia problema u Dostoevskogo" ["The Religious and Moral Question in Dostoevsky"]. *Vlastitel' dum. F.M. Dostoevskij v russkoi kritike kontsa XIX – nachala XX v. [A Ruler of Thoughts. F.M. Dostoevsky in Russian Criticism of the Late 19th and Early 20th Century]*, St. Petersburg, Khudozhestvennaia Literatura Publ., 1997, pp. 172-241. (In Russ.)
17. Griftsov, B.A. *Psikhologiia pisatel'ia [The Psychology of a Writer]*. Moscow, Khudozhestvennaia Literatura Publ., 1988. 464 p. (In Russ.)
18. Grossman, L.P. *Put' Dostoevskogo [Dostoevsky's Path]*. Leningrad, Brokgauz-Efron Publ., 1924. 240 p. (In Russ.)

19. Grossman, L.P. *Zhizn' i trudy F.M. Dostoevskogo. Biografiia v datakh i dokumentakh* [The Life and Works of Fyodor Dostoevsky. A Biography in Dates and Documents]. Moscow; Leningrad, Academia Publ., 1935. 382 p. (In Russ.)
20. Dostoevskaiia, A.G. *Vospominaniia* [Memoires]. Ed. by L.P. Grossman. Moscow; Leningrad, Gosizdat Publ., 1925. 310 p. (In Russ.)
21. Dostoevskaiia, L. *Dostoevskii v izobrazhenii ego docheri* [Dostoevsky in the Representation of His Daughter]. Trans. from German by L.Ia. Krukovskaya, ed. and preface by A.G. Gornfeld. Moscow; Petrograd, Gos. izd-vo Publ., 1922. 96 p. (In Russ.)
22. Dostoevskii, A.M. *Vospominaniia* [Memoires]. Ed. and introd. by A.A. Dostoevsky. Leningrad, Izd-vo pisatelej Publ., 1930. 426 p. (In Russ.)
23. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh* [Complete Works: in 14 vols], vol. 1. St. Petersburg, Tip. br. Panteleevykh Publ., 1883. 839 p. (In Russ.)
24. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie khudozhestvennykh proizvedenii: v 13 tomakh* [Complete Collected Literary Works: in 13 vols]. Ed. by B.V. Tomashevsky and K.I. Khalabaev. Moscow; Leningrad, Gos. izd-vo Publ., 1926-1930.
25. Dostoevskii, F.M. *Pis'ma* [Letters]. I. 1832-1867, ed. and notes by A.S. Dolinin. Moscow; Leningrad, GIZ Publ., 1928. 590 p.; *Pis'ma* [Letters]. II. 1867-1871, ed. and notes by A.S. Dolinin. Moscow; Leningrad, GIZ Publ., 1930. 617 p.; *Pis'ma* [Letters]. III. 1872-1877, ed. and notes by A.S. Dolinin. Moscow; Leningrad, Academia Publ., 1934. 390 p. (In Russ.)
26. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (In Russ.)
27. Ermakov, I.D. *Psikhoanaliz literatury. Pushkin. Gogol'. Dostoevskii* [Psychoanalysis of Literature. Pushkin. Gogol. Dostoevsky]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999. 512 p. (In Russ.)
28. Zelinskii, V.A. *Kriticheskii kommentarii k sochineniiam F.M. Dostoevskogo: sbornik kriticheskikh statei* [A Critical Commentary to Dostoevsky's Works: Collected Academic Articles], part 3. 4th Ed.. Moscow, Vil'de Publ., 1907. 534 c.
29. Kashina-Evreinova, A. *Podpol'e geniia (Seksual'nye istochniki tvorchestva Dostoevskogo)* [The Underground of a Genius (Sexual Sources of Dostoevsky's Creativity)]. Petrograd, Tret'ia strazha Publ., 1923. 94 p. (In Russ.)
30. Kuz'mina-Karavaeva, E.Iu. "Dostoevskii i sovremennost'" ["Dostoevsky and Modernity"]. *Russkie emigranty o Dostoevskom* [Russian Emigrants about Dostoevsky], introd., comp., and comm. by S.V. Belov, St. Petersburg, Andreev i synov'ia Publ., 1994, pp. 126-154. (In Russ.)
31. Losskii, N.O. "O prirode sataninskoj (po Dostoevskomu)" ["About the Satanic Nature (According to Dostoevsky)"]. *O Dostoevskom. Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoi mysli 1881-1931 godov: Sbornik Statei* [About Dostoevsky. Dostoevsky's Art in Russian Thought of 1881-1931: Collected Articles], Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 294-315. (In Russ.)
32. Losskii, N.O. "Dostoevskii i ego khristianskoe miroponimanie" ["Dostoevsky and His Christian Worldview"]. *Bog i mirovoe zlo* [God and Global Evil], Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 6-248. (In Russ.)
33. Magomedova, D.M. "Modeli pisatel'skikh biografii kak literaturnye universalii" ["Models of Writers' Biographies as Literary Universals"]. *Problemy pisatel'skoi biografii: K 150-letiiu A.P. Chekhova* [Questions on the Biography of Writers: For the 150th Anniversary of A.P. Chekhov], Moscow, IWL RAS, 2013, pp. 11-19. (In Russ.)
34. Merezhkovskii, D.S. "L. Tolstoi i Dostoevskii. Zhizn' i tvorchestvo. Religiiia" ["Lev Tolstoy and Dostoevsky. Life and Art. Religion"]. *L. Tolstoi i Dostoevskii. Vechnye sputniki* [L. Tolstoy and Dostoevsky. Eternal Companions], Moscow, Respublika Publ., 1995, pp. 7-350. (In Russ.)

35. Mochul'skii, K.V. "Dostoevskii. Zhizn' i tvorchestvo" ["Dostoevsky. Life and Work"]. *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii* [Gogol, Solovyov, Dostoevsky], Moscow, Respublika Publ., 1995, pp. 219-562. (In Russ.)
36. *Narodnoe prosveshchenie*, no. 95, 1922, 20 January. (In Russ.)
37. Neifel'd, Iolan. *Dostoevskii. Psikhooanaliticheskii etiud* [Dostoevsky. Psychoanalytic study]. Ed. by Z. Freud. Trans. from German by Ia. Druskina. Leningrad; Moscow, Petrograd, 1925. 96 p. (In Russ.)
38. Pereverzev, V.F. *Tvorchestvo Dostoevskogo: Kriticheskii ocherk* [Dostoevsky's Art: A Critical Essay]. Moscow, Sovremennye problemy Publ., 1912. 370 p. (In Russ.)
39. Popov, P.S. "'Ia' i 'Ono' v tvorchestve Dostoevskogo" ["I' and 'It' in Dostoevsky's Works"]. *Dostoevskii. Sbornik statei* [Dostoevsky. Collected Articles], Moscow, GAKhN Publ., 1928, pp. 217-285. (In Russ.)
40. Prikhod'ko, I.S. "'Vechnye sputniki' Merezhkovskogo (K probleme mifologizatsii kul'tury)" ["Merezhkovsky's 'Eternal Companions' (On the Problem of the Mythologization of Culture)"]. *D.S. Merezhkovskii: mysl' i slovo* [D.S. Merezhkovsky: Thought and Word]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 198-206. (In Russ.)
41. Rikkert, Genrikh. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Natural Sciences and Cultural Sciences]. Trans., red., and introd. S.I. Gessen. St. Petersburg, Obrazovanie Publ., 1911. 196 p. (In Russ.)
42. Rikkert, Genrih. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Natural Sciences and Cultural Sciences]. Moscow, Respublika Publ., 1998. 410 p. (In Russ.)
43. Rozanov, V.V. "Vozle 'russkoi idei'" ["Near to the 'Russian idea'"]. *Sobranie sochinenii. Sredi khudozhnikov* [Collected Works. Among the Artists], ed. by A.N. Nikoliukin, Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 344-359. (In Russ.)
44. Suslova, A.P. *Gody blizosti s Dostoevskim. Dnevnik. – Povest'. – Pis'ma* [Years of Intimacy with Dostoevsky. Diary. - Story. - Letters]. Introd. and comm. by A.S. Dolinin. Moscow, M. and S. Sabashnikovy Publ., 1928. 189 p. (In Russ.)
45. Tomashevskii, B.V. "Literatura i biografiia" ["Literature and Biography"]. *Kniga i revoliutsiia*, no. 4, 1923, pp. 6-9. (In Russ.)
46. Cheshikhin-Vetrinskii, V.E. *F.M. Dostoevskii v vospominaniakh sovremennikov i ego pis'makh: V 2 ch.* [F. M. Dostoevsky in the Memoirs of Contemporaries and His Letters: In 2 parts]. 2nd Ed. Moscow, V.V. Dumnov Publ., 1923. (In Russ.)
47. Chulkov, G.I. *Zhizn' Dostoevskogo* [Dostoevsky's Life]. Comp., ed., comm., and introd. by O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS, 2015. 472 p. (In Russ.)
48. Shteinberg, A.Z. *Sistema svobody Dostoevskogo* [Dostoevsky's System of Freedom]. Berlin, Skify Publ., 1923. 148 p. (In Russ.)
49. Shul'ts, Oskar fon. *Svetlyi, zhizneradostnyi Dostoevskii* [Bright, Cheerful Dostoevsky]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 1999. 368 p. (In Russ.)
50. Freud, Sigmund. "Dostojewski und die Vätertötung". *F.M. Dostojewski. Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. Dostojewskis Quellen, Entwürfe und Fragmente*, Erläutert von W. Komarowitsch, München, R. Piper, 1928. pp. IX–XXII (In German).

Статья поступила в редакцию 20.06.2021
Одобрена после рецензирования 27.06.2021
Принята к публикации 29.06.2021
Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted 20 June 2021
Approved after reviewing 27 June 2021
Accepted for publication 29 June 2021
Date of publication: 25 Sep. 2021